

УДК 330.8:1

Генезис и эволюция экономического знания как философско-методологическая проблема

И. А. Барсу́к, кандидат философских наук, доцент*

В данной статье рассматривается генезис экономического знания, обстоятельства и концептуальные предпосылки его становления и дисциплинарной организации. Констатируется существование многообразных теоретико-методологических подходов к определению предмета экономической науки на протяжении длительной истории ее эволюции: от античности до современного этапа развития. Отмечается сложившаяся в настоящее время ситуация неопределенности названия и предмета фундаментальной экономической науки. Делается вывод, что философско-методологическая рефлексия над экономическим знанием становится одним из необходимых условий адекватного ответа на вопрос о стратегических приоритетах развития экономической науки.

Ключевые слова: экономическое знание, экономическая наука, политэкономия, *economics*, экономическая теория.

Genesis and Evolution of Economic Knowledge as Philosophical and Methodological Problem

I. A. Barsuk, PhD in Philosophy, Associate Professor

In this article genesis of economic knowledge, circumstance and conceptual prerequisites of its formation and the disciplinary organization is considered. Existence of diverse theoretical-methodological approaches to definition of a subject of economic science throughout long history of its evolution is stated: from Antiquity to the present stage of development. The situation of uncertainty of the name and a subject of fundamental economic science which developed now is noted. The conclusion is drawn that the philosophical and methodological reflection over economic knowledge becomes one of necessary conditions of the adequate answer to a question of strategic priorities of development of economic science.

Keywords: economic knowledge, economic science, political economy, *economics*, economic theory.

Анализ литературы, посвященной науковедческой проблематике, позволяет сделать обоснованный вывод о том, что по вопросу генезиса экономического знания как уникального компонента культуры нет единой общепринятой точки зрения. К тому же четкая экспликация черт экономического знания и обоснование его категориального аппарата вызывают у ученых методологические сомнения. Многие из предпосылок экономической науки звучат крайне банально, например: «индивиды могут оценивать альтернативы» или «индивиды выбирают наиболее предпочтительное для себя». Другие предпосылки экономической науки — это упрощения вроде «товары бесконечно делимы» или «индивиды обладают совершенной информацией». На этих банальностях и упрощениях, на этих «предпосылках, принятых без опоры на факты или вопреки фактам» экономисты возвели математически сложную теоретическую доктрину, выводы которой, хотя и вовсе не «неизбежно оказываются неверными», все же бывают неверными достаточно часто. Тем не менее

бизнес, профсоюзы и правительства держат на работе тысячи экономистов и доверяются их мнению относительно последствий той или иной своей политики [1, с. 7].

Учитывая неоднозначность решения этой проблемы, в данной статье обратимся к вопросу о генезисе экономического знания, обстоятельствах и концептуальных предпосылках его становления и дисциплинарной организации.

Современное слово «экономика» происходит от древнегреческого «oikonomia» («экономия»). Его первый корень «oikos» значит «дом», «хозяйство» и второй «nomos» — «правило», «закон». Так что в буквальном переводе экономикой следует трактовать как «правила ведения домашнего хозяйства» или «домоводство». Такое понимание неслучайно. Космоцентричная парадигма традиционной культуры формирует человека хозяйствующего, для которого природное окружение, социальные и культурные отношения и институты являются предпосылками его деятельности. В VIII—VII вв. до н. э. в Аттике происходит формирование полисного строя с преобла-

* Доцент кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ.

данием Афин, расположенных в центре плодородной долины, удобной для земледелия. Основу экономики составляли мелкие крестьянские хозяйства и более крупные поместья родовой знати, характеризующиеся самообеспечением, слабой зависимостью от рынка, а также центральным управлением хозяйством со стороны главы дома. Отношения между главой дома и домочадцами — это отношения родства и покровительства, господства и подчинения. Сходным образом латинский термин «oeconomia» также означал управление домашними делами, а в более широком смысле распространялся на «управление» вообще, включая вопросы правильного составления речей и литературных произведений.

Считается, что этот термин впервые употребил древнегреческий поэт Гесиод (конец VIII — VII в. до н. э.) в поэме «Труды и дни». Человек, по мысли Гесиода, сам может достичь лучшего будущего, полагаясь на свой упорный труд, и в трудовой деятельности он должен соответствовать высоким нравственным требованиям. Идеал Гесиода — умеренный средний достаток, обеспечивающий годовой прожиточный минимум [2].

Для обозначения философско-научных знаний о ведении домашнего хозяйства этот термин был использован древнегреческим историком, учеником Сократа, Ксенофонтом (V—IV вв. до н. э.), который также рассуждал о единстве жилья и хозяйственной деятельности. В труде «Домострой» он изложил свои экономические воззрения в форме беседы Сократа и Критобула, богатого, но небрежно относящегося к своему состоянию человека [3]. Интерес Ксенофонта к предмету и задачам экономики имел не только теоретический, но и практический смысл, поскольку в последние годы жизни ему самому пришлось заниматься организацией сельскохозяйственного труда в полученном от спартанцев имении. Человек, занимаясь общественными делами в Древней Греции, жалование получал очень редко — слишком уж шепетильны были греки в вопросах моральной чистоты слуг общества. Поэтому первоначально экономика для Ксенофонта с какими-либо другими проблемами хозяйствования полиса, социума в целом обычно не соотносилась. Заслуга Ксенофонта в понимании природы предмета экономики состояла в том, что он, несмотря на абстрагирование от его связей с единственно достойными внимания эллина проблемами общества (политии), сумел все же показать, что экономика может быть не только искусством, но и наукой [4].

Ученик Платона, Аристотель (IV в. до н. э.), сделал первый шаг к описанию хозяйственной жизни в системе взаимосвязанных абстрактных категорий. Экономика в суждениях Аристотеля пред-

ставлена прежде всего важнейшей и почетной деятельностью людей в земледелии, а также теми, кто занят ремеслом и мелкой торговлей. Это «естественный» способ получения богатства, т. е. направленный на производство, приумножение и получение всех необходимых для жизни благ. Домохозяйство — наименьшее вместилище запасов благ, а полис — наибольшее. В итоге в учении Аристотеля о домохозяйстве и его управлении выстраивается иерархия, которая вписывает дом в порядок полиса, а затем и в устройство космоса. Однако уже в античности стал возникать связующий эти домохозяйства и полисы рынок с его отношениями обмена, наемного труда и денежными связями. По мнению Аристотеля, более интересными для изучения, с философской точки зрения, являлись законы обогащения и обмена, а не закономерности домохозяйства. Их исследованием, соответственно, должны заниматься «хрематистика» — наука об обогащении (увеличении собственности) и «каталлактика» — наука об обмене с целью увеличения прибыли [5]. Общественно-экономические идеи Аристотеля утверждали ценности традиционного общества, поэтому в дальнейшем получили развитие у христианских и мусульманских религиозных мыслителей Средневековья.

Следующим важным (хотя не очень замеченным) этапом становления экономического знания является так называемая теория общественных изменений арабского историка и философа Ибн-Халдуна (XIV в.). В основу своей научной концепции социальных изменений он положил объективно обусловленную необходимость совместного добывания людьми средств к существованию, т. е. хозяйственную деятельность людей, которая проходит различные этапы, определяющиеся характером производства средств существования, их распределения и потребления. Первая фаза — бадава, жизнь, связанная со скотоводством и земледелием. Вторая, более поздняя фаза — хадара, жизнь городская. Он утверждает, что материальное богатство образуется в результате трудовой деятельности людей, создающей дополнительный по сравнению с необходимым продукт, т. е. решающей причиной перехода от первой стадии ко второй является увеличение количества трудовых затрат. Таким образом, благодаря изменениям в способах производства жизненных средств, совершенствованию труда и его организации происходит переход от дикости (таваххуш) к бадава, форме жизни, которую условно можно назвать примитивностью, «жизнью на открытых пространствах». На смену этому укладу, хотя и сохраняющемуся наряду с новым, приходит цивилизация — «жизнь огороженная», городская [6, с. 196—197].

С XVI в. в Западной Европе начинает формироваться рыночная система организации хозяйства. Это порождает массовую потребность в экономических знаниях, которые бы помогали людям ориентироваться в сложном мире рыночных отношений и принимать эффективные решения. В рамках техногенной цивилизации формируется новое понимание экономики и экономической активности человека. В этих условиях экономические знания обособляются от других знаний, приобретают систематический характер и превращаются в особую науку, которая получает название политической экономии. В 1615 г. французский экономист Антуан де Монкретьен опубликовал «Трактат по политической экономии», где рассматривались вопросы активного участия государства в регулировании хозяйственных процессов. В дальнейшем термин «политическая экономия» получает широкое распространение. Его употребляют У. Петти (в смысле «политическая анатомия» наряду с термином «политическая арифметика» для описания искусства выносить точные суждения о политической экономии государств), физиократы (Ф. Кенэ, О. де Мирабо), Джеймс Стюарт, который первым из английских экономистов ввел этот термин в заглавии своей книги, и многие другие. Ученые использовали термин «политическая экономия» в своих исследованиях в сходных, но различающихся аспектами смыслах (исследование природы и причин богатства народов, связь с материальным благосостоянием, искусством законодательства, подчеркивание моральной и социальной природы политической экономии и т. д.) [7]. В целом важный шаг в формировании экономической науки связывают именно с физиократами, которые стали рассматривать экономику страны в качестве единого целого, введя понятие «общественный капитал». С другой стороны, стоимость у физиократов уже определяется количеством труда. Тем самым в экономический анализ был введен количественный момент. Правда, экономические законы, по мнению физиократов, действуют подобно естественно-природным законам. В то же время нужно учесть, что, сближая экономический закон с природным, а тем самым настаивая на его объективности, физиократы уходили от трактовки экономических законов по аналогии с правовыми. До этого экономический закон мыслился по аналогии с правовым законом, а потому предполагалось, что в экономической сфере все устанавливается сознательно.

Развитие политэкономии связано прежде всего с выделением в ней двух основных направлений: 1) смитианско-рикардианское как развитие «существенных» («сильных» с позиции марксизма) сто-

рон учения А. Смита, которое позже стало именоваться «классической политической экономией» и ставило своей задачей исследовать «внутренние невидимые связи» в экономических явлениях и процессах; 2) смитианско-сэя-мальтусовское, т. е. так называемая «вульгарная» политэкономия как развитие «явленческих» («слабых» с позиции марксизма) сторон одного и того же учения А. Смита, которое ставило задачу изучать «внешние проявляющиеся связи» в экономических явлениях и процессах и позже получило название «каталлактика», а затем — «экономикс» [8].

Поэтому несмотря на то что «классическая политическая экономия» — общепринятый термин, это не исключает разночтений в его толковании. По версии К. Маркса, применившего его первым, начало классического периода связано с именами У. Петти и П. Буагильбера (конец XVII в.), а его свершение — с именами Д. Рикардо и С. де Сисмонди (первая треть XIX в.). В западной литературе стандартный подход относит «классическую школу» ко второй половине XVIII в. и первой половине XIX в.: от А. Смита до Дж. Ст. Милля (иногда от физиократов до К. Маркса). Наконец, Дж. М. Кейнс расширил ее хронологические рамки, отнес к числу «классиков» А. Маршалла и А. Пигу, экономистов первой половины XX в. [9, с. 43].

По своему содержанию политическая экономия, разрабатывавшаяся в трудах многих ученых Нового времени, уже претендовала не только на изучение роли государства в процессе хозяйствования, но и на изучение хозяйственной жизни социума, общества вообще. С этим обстоятельством, по-видимому, и было связано последующее введение в оборот понятия «социальная (общественная) экономия». Предметом ее выступают социально-экономические отношения как «особенные» экономические отношения, сердцевину которых составляют отношения собственности. Учитывая «государственность», «политизированность», «классовость» политической экономии и тот факт, что интересы государства и общества могут не совпадать и быть даже противоположными, экономисты стали употреблять термин «социальная (общественная) экономия» (Ж. Б. Сэй, Л. Вальрас, Ф. Визер, Г. Кассель, Дж. Н. Кейнс, Дж. М. Кейнс, Дж. Б. Кларк, А. Богданов, современные исследователи — Р. Гринберг, А. Рубинштейн, Н. Сычев, Т. В. Юрьева и другие). Основной принцип социальной экономики состоит в том, что интересы людей и общества должны стоять выше интересов капитала, поэтому результаты производственной деятельности распределяются в зависимости от вложенного каждым работником труда, а не капитала. В целом социальная экономия, базируясь на двух фундамен-

тальных категориях — социализации и гуманизации, продолжает и ряд традиций классической политической экономии. В наши дни в научный оборот введены также и другие, схожие по смыслу с понятием социальной экономии, термины: «социальная политэкономия», «моральная экономика», «справедливая экономика», «гуманистическая экономика» и т. д. [10].

В середине XIX в. после нескольких десятилетий неоспоримого лидерства классической политэкономии многие ее постулаты и выводы стали подвергаться сомнению. В конце XIX — начале XX в. качественный анализ в экономической науке все чаще заменяется количественным; ученые нередко стремятся оптимизировать использование ограниченных ресурсов, широко применяя для этих целей теорию предельных величин, дифференциальные и интегральные исчисления, алгебраические формулы и графики, моделирующие конкретные рыночные ситуации. Вслед за этим меняется содержание и название самой науки. Наиболее радикальный сдвиг в развитии экономической науки принято называть маржиналистской революцией. С тех пор на Западе политэкономия утратила свое монопольное положение. Впервые термин *economics* употребил английский экономист Г. Маклеод в статье «Что такое политическая экономия?» (1875). Он понимал *economics* как науку, которая рассматривает законы, управляющие соотношениями между количествами обмениваемых товаров. Систематическое применение этого термина впервые осуществлено в совместной работе А. и М. Маршаллов «Экономика промышленности». Одобрительную оценку новый термин, введенный в научный оборот Г. Маклеодом, А. и М. Маршаллами, получил у В. Джевонса во втором издании его «Теории политической экономии» (1879). Впервые раскрытие отличительных особенностей неоклассики, сравнение с классической политической экономией представлено в учебнике А. Маршалла «Принципы экономикс» (1890). Затем последовало введение «экономикс» в преподавание (1902), знаменовавшее начало широкого применения нового термина в дальнейшем. Но даже тогда А. Маршалл использовал соответствующие термины в качестве синонимов [7].

Традиционный марксистский взгляд на экономикс заключается в том, что это — термин буржуазной экономической литературы, синтез буржуазных неоклассических и неокейнсианских теорий, объединенных общим представлением о предмете экономической науки, общими методологическими принципами, единой социальной направленностью на защиту интересов крупного

монополистического капитала. В конце XX в. в ведущих университетах стран СНГ происходит ликвидация «политической экономии» в качестве образовательной специальности. Связано это было с выходом русского перевода уже 11-го издания книги «Экономикс. Принципы, проблемы и политика», созданной в университетах США профессорами К. Макконнеллом и С. Брю.

Однако и в настоящее время термин «экономикс» у самих экономистов (зарубежных и отечественных) воспринимается по-разному: в одном случае как «политэкономия», в другом — «буржуазная политэкономия», в третьем — «экономическая наука», в четвертом — «экономическая теория», в пятом — «mainstream» (основное течение), в шестом — просто «экономика», в седьмом — множество экономик и т. д. и т. п. Связано это с терминологическим и содержательным соотношением понятий: «политическая экономия», «экономикс», «экономическая теория». Прежде всего широко распространены различные варианты перевода термина «*economics*»: экономика; политическая экономика; экономическая теория; экономическая наука; теоретическая экономика; экономический анализ. Однако этот недостаток присущ в основном экономической литературе постсоветского пространства. Во-вторых, неудачность перевода экономикс как экономика обусловлена в современных условиях многозначностью употребления термина «экономика». Одновременно ученые уместно привлекают внимание к национальным различиям в терминологии понятий. В разных странах общая экономическая теория носит разные названия: экономия — в Греции, Испании; политическая экономия — во Франции и других франкоязычных странах; учение о народном хозяйстве — в Германии; учение о хозяйстве — в Финляндии; национальная экономия — в Турции, Швеции; экономикс — в США, Великобритании [11]. В постсоветских странах современную экономическую науку многие ученые называют экономической теорией (название стало широко употребляемым после знакомства с учебником П. Самуэльсона «Экономика»).

Ситуация неоднозначности связана и с появлением в науке в последнее время множества «новых экономик», в том числе тех же «экономикс», «экономическая теория», «общая экономическая теория», «институциональная экономика», «транзитная экономика», «эволюционная экономика», «поведенческая экономика», «экспериментальная экономика», «схематическая экономика», «информационная экономика», «сравнительная экономика» (компаративистика), «гиперэкономика», «фундаментальная экономика», «новая политиче-

ская экономия», «постэкономика» «физическая экономика» и т. д. и т. п. В целом ученые ставят вопрос о выборе адекватного наименования новой экономической науки. Поиск ответа на поставленные вопросы можно найти во множестве изданий последнего времени, где исследователи по-разному подходят к их решению.

Возникает вопрос: что делать в условиях неопределенности названия и предмета фундаментальной экономической науки, многообразия программ, учебников и учебных пособий, отсутствия общих методологических принципов экономического анализа, появления множества экономических дисциплин?

Именно поэтому очевидно то, что философско-методологическая рефлексия над экономическим знанием становится одним из необходимых условий адекватного ответа на вопрос о стратегических приоритетах развития современной экономической науки, которая должна критически подойти ко всем экономическим парадигмам и использовать все то, что подтверждено практикой. Философ как никто другой поможет отличить реальную альтернативу развития от мнимой, определить и использовать предпосылки наиболее перспективного экономического подхода.

Список цитированных источников

1. Хаусман, Д. Предисловие / Д. Хаусман // Философия экономики: антол. / под ред. Д. Хаусмана. — М., 2012. — С. 7—51.
2. Гесиод. Работы и дни / Гесиод // Работы и дни. Теогония. Щит Геракла / Гесиод. — М., 2012.
3. Ксенофонт Афинский. Домострой [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ancientrome.ru/antlittr/ksenoph/socratic/ds.htm>. — Дата доступа: 10.06.2015.
4. Чуешов, В. И. О некоторых старых философских уроках исследования предмета экономической науки и их современном смысле / В. И. Чуешов // Проблемы современной экономики: евраз. междунар. науч.-аналит. журн. [Электронный ресурс]. — 2007. — № 4 (24). — Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1620>. — Дата доступа: 10.06.2015.
5. Аристотель. Никомахова этика. Политика / Аристотель // Сочинения: в 4 т. — М., 1984. — Т. 4.
6. Фролова, Е. А. Философия истории Ибн-Халдуна / Е. А. Фролова // Арабская философия: прошлое и настоящее. — М., 2010. — С. 192—203.
7. Гриценко, А. А. Возникновение и развитие политической экономии / А. А. Гриценко // Вопросы политической экономии: науч. сетевой эконом. журн. [Электронный ресурс]. — 2014. — № 3 (12). — Режим доступа: <http://vopoliteco.ucoz.com/mgz/wpe2014-03.pdf>. — Дата доступа: 10.06.2015. — С. 20—29.
8. Алиев, У. Ж. Достоянная политическая экономия: эволюция дисциплинарной формы организации / У. Ж. Алиев // Вопросы политической экономии: науч. сетевой эконом. журн. [Электронный ресурс]. — 2014. — № 3 (12). — Режим доступа: <http://vopoliteco.ucoz.com/mgz/wpe2014-03.pdf>. — Дата доступа: 10.06.2015. — С. 5—19.
9. История экономических учений / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. — М., 2002.
10. Алиев, У. Ж. «Экономическая теория» или «теоретическая экономия» / У. Ж. Алиев // Проблемы современной экономики: евраз. междунар. науч.-аналит. журн. [Электронный ресурс]. — 2003. — № 3/4 (7/8). — Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=303>. — Дата доступа: 10.06.2015.
11. Леоненко, П. М. Два аспекта соотношения дефиниций системы экономических наук / П. М. Леоненко // Вопросы политической экономии: науч. сетевой эконом. журн. [Электронный ресурс]. — 2012. — № 2 (3). — Режим доступа: <http://vopoliteco.ucoz.com/mgz/wpe2014-03.pdf>. — Дата доступа: 10.06.2015. — С. 20—35.

Дата поступления в редакцию: 12.06.2015 г.